

Возвратившись из М.*, я не знала, что и думать, столько пришлось испытать противоположных ощущений. Хотелось бы хорошенько вспомнить все, происшедшее в течение дня, проведенного вместе с Луизой, чтобы можно было наконец понять в чем же дело.

Хотя М.* расположено всего только в разстоянии двух миль от Бокэ, однако этот уголок был для меня совершенно неизвѣстенъ. Охотился я всегда в противоположной сторонѣ, а чтобы попасть в М.*, нужно было свернуть с дороги и перейти через небольшую рѣчку, чего до сих пор я еще никогда не дѣлалъ. Свернувъ с дороги, вы попадаете въ длинную аллею из каштановыхъ деревьевъ, которая взбѣгаетъ на небольшой холмъ. Взойдя на него, нужно спуститься въ долину, при самомъ началѣ которой лежитъ М.* Квадратный двухэтажный отель, выстроенный въ концѣ царствованія Людовика XIV, не отличался ничѣмъ особеннымъ, за то окружающій его паркъ съ зелеными лужайками, на которыхъ то тамъ то здѣсь, возвышались столѣтніе дубы, прячущіеся за плотной стѣной густого лѣса, былъ прелестенъ.

Когда я подвѣзжалъ верхомъ, двѣ огромныя медіоланскія собаки бросились на встрѣчу съ громкимъ лаемъ, а въ концѣ зеленой аллеи показалось бѣлое пятно—то была Луиза въ свѣтломъ платьѣ съ соломенной шляпкой на головѣ. Она не тронулась съ мѣста, но улыбаясь стояла неподвижно подъ тѣнью павильона. Былъ девятый часъ утра.

— Ахъ, какъ вы добры—сказала она—вегаете такъ рано. Я во всемъ домѣ первая на ногахъ.

Я поклонился и выразилъ удивленіе по поводу такой храбрости, несвойственной парижанкѣ. Она отвѣчала съ веселымъ смѣхомъ.

— Дѣйствительно, я пока здѣсь только пять дней, а тотчасъ послѣ приѣзда въ деревню, я встаю вмѣстѣ съ цѣтухами, но за то недѣли черезъ двѣ возвращаюсь къ своему прежнему образу жизни и просыпаюсь, какъ и въ Парижѣ около десяти часовъ. Сегодня, какъ видите, я поднялась еще по деревенски.

Никогда она не была такъ очаровательна,

такъ прекрасна! Роскошные волосы, собранные въ безпорядкѣ, удерживала сѣтка; простой, утренній пенюаръ легко облегалъ ея талію, не много сонные глаза смотрѣли простоудушно-наивно, какъ у только что проснувагося ребенка, бѣлая шейка была совсѣмъ открыта а широкіе рукава пенюара позволили мнѣ любоваться классически правильной, покрытой нѣжной кожей рукой, которая иногда открывалась выше локтя.

— Знаете куда я иду?—спросила она—посмотрѣть бесѣдку, кругомъ обросшую belles-de-nuit, которые хороши только до тѣхъ поръ, пока не пригрѣетъ сильно солнце; вы знаете, цвѣтки тогда какъ будто засыпаютъ. Садовникъ разсказалъ мнѣ объ этомъ. Вчера я проспала, а сегодня хочу вознаградить себя за вчерашнее. Пойдете со мной?

Мнѣ хотѣлось предложить ей руку, но инстинктъ подсказалъ, что здѣсь это было бы смѣшно. Она побѣжала какъ пансіонерка, вырвавшаяся на свободу. И остановившись возлѣ бесѣдки вскрикнула отъ восхищенія. Пучки belles-de-nuit опускались съ самаго верха цѣлымъ каскадомъ цвѣтовъ разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ, отъ свѣтлорозоваго до темнопурпуроваго, покрытыхъ блестящими каплями утренней росы. Это напоминало фантастическіе рисунки въ японскихъ альбомахъ чудно-прекрасные и оригинальные.

— Вотъ награда за лишеніе сна, весело произнесла Луиза—можно о немъ не жалѣть.

Она сѣла внутри бесѣдки, и я осмѣлился сѣсть съ нею рядомъ, такъ какъ она сдѣлала для меня мѣсто, подвинувъ къ себѣ раскинувшееся платье. Я находился въ напряженномъ состояніи и въ голову приходили мысли, побуждающія дѣйствовать рѣшительно: обнять ее за талію и поцѣловать въ обнаженную шейку. Я понималъ, что это выйдетъ немножко по-гусарски, но тогда больше ничего не приходило мнѣ въ голову. Мысль эта преслѣдовала меня неотступно, перерождалась въ физическую потребность. Не знаю, поняла ли Луиза, что дѣлалось со мной, угадала ли она мое состояніе, но лицо ея сдѣлалось серьезно и она сказала.

— Поговоримъ теперь о дѣлахъ,—хорошо?

У меня звенѣло въ ушахъ и темнѣло въ глазахъ, но я сдѣлалъ надъ собой чрезвычайное усиліе, чтобы слышать, о чемъ она говорила.

Въ бесѣдкѣ было темно и прохладно; солнце золотистыми жилами пробивалось чрезъ зелень

belles-de-nuit, а бѣлый пенюаръ Луизы привлекалъ цѣлый рой золотыхъ мушекъ.

— Какъ же идутъ наши дѣла?—спросила она съ таинственной миной заговорщика.

Я разсказалъ ей объ удивительной пережвѣвѣ, какая произошла съ моимъ отцомъ. Старый роялистъ, въ теченіи десяти лѣтъ злившійся на современныя порядки вещей и запрещавшій мнѣ служить республиканскому правительству, далъ мнѣ понять, что теперь онъ желалъ бы, чтобы молодой человѣкъ моихъ лѣтъ приносилъ пользу своей родинѣ. Подозрѣваю, что тетюшка возымѣла на него вліяніе. Во всякомъ случаѣ здѣсь не обошлось безъ женщины, ибо происшедшая метаморфоза слишкомъ велика и неожиданна.

Луиза слушала меня и улыбалась.

— Я видѣлась съ вашимъ отцомъ на другой день послѣ своего приѣзда въ одномъ изъ окрестныхъ замковъ, куда я ѣздила въ гости... Мы разговорились немного... А знаете ли вы—прибавила она быстро, что выборы будутъ происходить въ слѣдующее воскресенье. Вы должны открыть кампанію немедленно и съ помощью вашего отца успѣхъ моего мужа будетъ внѣ сомнѣнія.

— М-егъ Демаре здѣсь?—спросилъ я, послѣ краткаго молчанія.

— Да, онъ прѣхалъ вчера вечеромъ, но сегодня утромъ въ его не увидите, такъ какъ онъ очень рано уѣхалъ, чтобы увидѣться съ однимъ помѣщикомъ, который пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ и можетъ быть очень полезенъ мужу.

Она встала, а я еще остался сидѣть на мгновеніе, искренно жалѣя, зачѣмъ я ее не поцѣловалъ. Какъ знать, удастся ли еще когда-нибудь остаться только вдвоемъ, при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ такой поэтической обстановкѣ... Теперь было уже слишкомъ поздно и вышло бы очень смѣшно, если бы я вздумалъ стать у ея ногъ на колѣни на мокрую землю. Пришлось отложить свое намѣреніе до болѣе благоприятнаго времени.

Въ заключеніе всего, на концѣ аллеи показалась толстая фигура Шантро. Видя насъ выходящими изъ бесѣдки, онъ подозрительно улыбался, что мнѣ ужасно не понравилось. Потомъ онъ выразилъ съ такой ироніей удивленіе, по поводу того, какъ мы встаемъ такъ рано. Самъ онъ только что поднялся.

— А Берта—спросила Луиза—хорошо ли она спала?

— Не знаю, я еще ее не видѣлъ.

Замѣтивъ мое недоумѣніе, онъ прибавилъ, что Берта цѣлый день страдаетъ мигренью, если кто-нибудь войдетъ къ ней утромъ. Они занимали двѣ отдѣльныя комнаты. Это гораздо удобнѣе, въ особенности въ деревнѣ.

— Вы понимаете, это не стѣсняетъ другъ друга; каждый можетъ дѣлать, что ему угодно—закончилъ онъ, совершенно серьезно.

Мы взошли на террасу, возвышавшуюся надъ паркомъ и мнѣ вспомнились разсказы о любовныхъ приключеніяхъ, которыми вообще богаты старые замки. Въ моемъ воображеніи рисовались онъ и она крадущимися неслышными шагами по корридорамъ въ одномъ бѣлѣ... Испорченные, пресытившіеся парижанки придавали свѣжей прелесть своимъ птрижкамъ, ведя ихъ при свѣтломъ эфирѣ лунныхъ лучей, подъ звуки задушевной пѣсни соловья, пѣсни любви и нѣги...

И какъ бы въ подтвержденіе моего воображенія, изъ двери дома выходили Берта и Феликсъ, оба блѣдные, уставшіе, изнуренные, что составляло рѣзкій контрастъ съ здоровьемъ и свѣжестью окружающей природы...

— Ты больна?—заботливо спросила Луиза свою пріятельницу.

— О нѣтъ, merci—отвѣтила Берта—это естественныя послѣдствія переменъ климата, отсылающіяся на нервахъ... И притомъ утромъ, съ восходомъ солнца, птицы мѣшали спать своимъ несноснымъ пѣніемъ.

Я подаль руку Феликсу и посмотрѣлъ на обѣихъ дамъ. Онѣ улыбались, посматривая на Шантро, насмѣивающаго что-то съ самымъ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ. Мнѣ показалось, что Луиза знаетъ обо всемъ, что дѣлается въ ихъ домѣ. Вѣроятно, она слышала въ ночной тишинѣ тяжелые мужскіе шаги, легкое шуршаніе платья, шумъ отворяющихся дверей, таинственный шопотъ влюбленныхъ... Ахъ, зачѣмъ я не обнялъ, не поцѣловалъ ее въ бесѣдкѣ?!.. Вѣдь если она относится снисходительно къ поступкамъ своей пріятельницы, то, вѣроятно, и сама не разсердилась бы... И я уже рисовалъ себѣ дверь, въ которую поздною ночью буду стучать условленнымъ стукомъ. На лѣвой сторонѣ дома я намѣтилъ большое окно, которое показалось мнѣ особенно удобнымъ...

Часовъ въ 11 подали завтракъ, послѣ котораго Шантро ушелъ отдыхать. Передъ уходомъ онъ сознался мнѣ, что опасается не быть выбран-

нымъ на предстоящихъ выборахъ, почему порѣшилъ прожить здѣсь три недѣли, чтобы повліять на избирателей. Онъ поселился съ женой у дяди. Желаніемъ жены увидѣться съ своей пріятельницей онъ воспользовался, чтобы показать свои близкія сношенія съ Демаре, что имѣетъ большое значеніе... Я видѣлъ, что ему очень хотѣлось быть представленнымъ моему отцу. Ахъ, если бы ему удалось провести хоть одну ночь въ Бокэ, какъ это подняло бы его въ глазахъ избирателей... Но бѣда въ томъ, что я не сторонникъ... блондинокъ.

Съ дамами я провелъ очень пріятное утро. Признаюсь, меня поразилъ способъ держать себя, представившій рѣзкій контрастъ между святошествомъ провинціальныхъ барынь и свободой этихъ парижанокъ. Послѣ завтрака подали кофе, Луиза закурила папиросу, а Берта болтала разныя глупости съ самой наивной невинностью. Потомъ обѣ побѣжали, шумя платьями и заливаясь смѣхомъ маленькихъ дѣвочекъ. Все это подавало мнѣ надежду, что Луиза скоро назначитъ мнѣ свиданіе.

Феликсъ курилъ сигару съ какимъ-то таинственнымъ видомъ. По временамъ я ловилъ его насмѣшливый взглядъ, которымъ мелькомъ онъ меня окидывалъ.

Въ четыре часа я началъ собираться уѣзжать. Луиза протестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы останетесь, будемъ вмѣстѣ обѣдать. Можетъ быть, пріѣдетъ мужъ. Вы съ нимъ увидите—мнѣ хочется васъ ему представить.

Я отказывался, говоря, что отецъ ждетъ меня.

— Въ Бокэ сегодня обѣдъ, на которомъ я долженъ присутствовать.

— На пемъ будетъ много избирателей и мнѣ придется дѣйствовать по вашему дѣлу—добавилъ я, смѣясь.

— А если такъ, то поѣзжайте. Поѣзжайте и если ваши старанія увѣнчаются успѣхомъ, являйтесь за наградой...

Мнѣ показалось, что при послѣднихъ словахъ она покраснѣла. Думала ли она о дипломатическомъ мѣстѣ, о которомъ она постарается для меня при посредствѣ своего мужа? Что касается меня, то я придавалъ этимъ словамъ о „наградѣ“ совершенно другое значеніе. Вѣроятно, это выразилось въ выраженіи моего лица и во взглядѣ, который я бросилъ на Луизу, потому что она нетерпѣливымъ движеніемъ губъ выразила свое

неудовольствие. Впрочем, я собирался уѣзжать и не имѣлъ времени останавливаться на игрѣ ея лица. Я уже выходилъ, когда предъ подъѣздомъ остановилась карета. Я думалъ, что это Демаре, но въ каретѣ сидѣли двое маленькихъ дѣтей: дѣвочка лѣтъ пяти и мальчикъ—четырехъ, а съ ними бонна. Дѣти протягивали свои маленькія ручки, а когда ихъ высадили изъ кареты, они подбѣжали къ Луизѣ, цѣлаясь ей за платье. Она цѣловала ихъ курчавыя головки.

— Чьи эти прелестныя дѣтки?—спросилъ я.
— Мои!—отвѣтила она съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Ея дѣти! Она можетъ имѣть дѣтей! Трудно описать, что испытывалъ я въ эту минуту. Мнѣ показалось, что эти маленькія существа вырвали между нами пропасть и я потерялъ Луизу навсегда. Она имѣетъ дѣтей, я не зналъ объ этомъ! Я не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть.

— Вы имѣете дѣтей?

— Натурально—отвѣтила она спокойно—они ѣздили къ крестной матери. Позвольте васъ представить: monsieur Люсьенъ, mademoiselle Маргарита.

Дѣти смѣялись ко мнѣ, а я стоялъ какъ болванъ. Никогда не помирюсь съ тѣмъ, что она мать. Всѣ мысли перемѣшались въ моей головѣ и теперь я не знаю, что мнѣ думать. Передъ моими глазами стоятъ Луиза въ бесѣдкѣ заросшей belles-de-nuit и вижу, какъ она гладитъ по головкѣ Люсьена и цѣлуетъ Маргариту.

Нѣтъ, эти парижанки слишкомъ загадочны для такого провинціала, какъ я.

Попробую завтра собраться съ мыслями.

Глава V.

Вотъ и развязка... хороша наука!

Постараюсь спокойно рассказать здѣсь все, что произошло.

Въ воскресенье Демаре былъ выбранъ генеральнымъ совѣтникомъ; по приведеніи въ извѣстность числа голосовъ стало очевиднымъ, что безъ поддержки моего отца кандидатъ провалился бы съ трескомъ. Мой отецъ, познакоившись съ избраннымъ, далъ мнѣ понять, что такой ничтожный человѣкъ не можетъ быть очень вреднымъ. Впрочемъ, нужно было одержать побѣду надъ радикальнымъ депутатомъ. Послѣ обѣда, вечеромъ отецъ сказалъ мнѣ.

— Все это, разумеется, не особенно прекрасно, но меня убѣждали, что я работаю для тебя. Теперь дѣлай, какъ знаешь, ибо, что до меня,

то мнѣ остается только умереть и, что тамъ у васъ дѣлается, я плохо понимаю.

Въ понедѣльникъ и во вторникъ я не рѣшался ѣхать въ М.*; казалось, неловко слишкомъ торопиться за „наградой“.

Дѣти уже перестали меня тревожить. Я успокоивалъ себя той мыслью, что Луиза вѣроятно не особенно чадолюбивая маменька. Развѣ не извѣстно всѣмъ въ провинціи, что парижанки оставляютъ своихъ дѣтей на попеченіе слугъ, чтобы жить свободнѣе и не лишать себя свѣтскихъ удовольствій.

Вчера, въ среду, мое терпѣніе истощилось и въ 8 часовъ утра я поѣхалъ въ М.*, рассчитывая, какъ въ свой первый визитъ, застать Луизу одну. Но человѣкъ, которому я отдалъ лошадь, сказалъ, что барыня еще не выходила изъ своей спальни. Я не велѣлъ безпокоить ее докладомъ и сказалъ, что подожду.

Ждать мнѣ пришлось болѣе двухъ часовъ. Не помню, сколько разъ я обошелъ весь садикъ. По временамъ останавливаясь, я всматривался въ окна перваго этажа, но опущенныя шторы совершенно закрывали ихъ. Измученный, этой невольной прогулкой, я зашелъ въ знакомую бесѣдку. Утро было пасмурное и солнце, скрытое тучами, не оживляло зелени своими золотистыми лучами.

Я сказалъ себѣ, что сегодняшний день будетъ для меня днемъ генеральнаго сраженія. Не подлежало сомнѣнію, что если и теперь я останусь такимъ же трусомъ, то навсегда лишусь Луизы. Я придавалъ себѣ храбрости, припоминая всѣ обстоятельства, говорившія въ мою пользу, и поддерживая себя сложившимся у меня убѣжденіемъ о легкомысліи парижанокъ вообще, а Луизы въ особенности. Планъ мой казался мнѣ очень простымъ: какъ только мы останемся одни, я, чтобы не испугать ее сразу, воздержусь на время отъ выраженія своихъ чувствъ, потомъ поцѣлую ручку и какъ только дамъ ей меня понять, попробую выпросить у ней свиданіе. Десятый разъ я разбиралъ подробности моего плана, какъ предо мной появилась Луиза.

— Куда вы запрягались?—весело спросила она, взглядываясь въ темноту бесѣдки. Наконецъ то я васъ нашла послѣ десяти-минутныхъ исканій... Простите, что заставила васъ такъ долго ждать.

Я сказалъ ей слегка дрожащимъ голосомъ, что время ожиданія не показалось мнѣ слишкомъ длиннымъ, такъ какъ я думалъ о ней.

— Я предупреждала васъ—говорила Луиза, не обращая вниманія на мои слова—что деревенскія привычки сохраняю только въ первые дни послѣ пріѣзда. Теперь я опять парижанка, съ трудомъ разстающаяся съ своей кроватью.

Она стояла въ дверяхъ бесѣдки, какъ бы въ нерѣшимости—войти или не войти.

— Ну, пойдѣмъ же... Намъ нужно поговорить—сказала наконецъ Луиза.

— Здѣсь прекрасно—возразилъ я тѣмъ же дрожащимъ голосомъ—можемъ поговорить на этой скамейкѣ.

Одну минуту она колебалась, потомъ сказала смѣло.

— Какъ хотите, только здѣсь темно. Впрочемъ, говорить можно и безъ свѣта.

И она сѣла на скамью рядомъ со мной. Отъ волненія у меня сдавило дыханіе. Наконецъ то рѣшительный моментъ насталъ! Черезъ мгновеніе я прижму ея ручку къ своимъ губамъ, потомъ...

— Не буду васъ благодарить шумными фразами. Безъ васъ бы мы пропали.

Я не могъ ей возражать и дрожалъ, набираясь храбрости.

— Впрочемъ, намъ словъ и не нужно—говорила она дальше—вы помните, мы вѣдь заключили договоръ...

Эти слова она произнесла со смѣхомъ... Смѣхъ ея придалъ мнѣ отваги—я взялъ ея руку, которой она не отнимала и держалъ эту маленькую теплую ручку, а она фамильярно продолжала.

— Теперь очередь за мной вознаградить васъ...

Я рѣшился поднести ея руку къ губамъ. Въ бесѣдкѣ сдѣлалось совсѣмъ темно, вѣроятно темная тучка набѣжала надъ нами; одуряющій запахъ цвѣтовъ вскружилъ мнѣ голову, но прежде чѣмъ мнѣ удалось поцѣловать руку, Луиза нервно выдернула ее отъ меня и спокойно хотя и не безъ упрека въ голосѣ сказала.

— Довольно... остановитесь. Я этого боялась. Послушайте, что я вамъ скажу, пока мы одни.

И въ тонѣ ея слышалась материнская строгость, какъ будто она говорила провинившемуся ребенку.

— Я сразу поняла васъ. Вамъ наговорили обо мнѣ не мало и вы вообразили себѣ ни вѣсть что. Я это вамъ прощаю. Вы не могли составить вѣрнаго понятія о нашемъ обществѣ, руководствуясь грубыми представленіями о немъ, выработавшимися въ этомъ провинціальномъ захолустьѣ. Можетъ быть, вы скажете, что я сама ви-

новата въ вашей ошибкѣ. Мнѣ слѣдовало тотчасъ остановить васъ. Я этого не сдѣлала, а было достаточно одного слова, чтобы вы удалились, но я этого слова не сказала. Я позволила вамъ зайти дальше—теперь вы вѣроятно называете меня обыкновенной кокеткой—да? говорите! А знаете зачѣмъ я васъ не остановила?

Я пробормоталъ что-то невнятное. Глубокое удивленіе, вызванное происшедшей сценой, парализовало мои мысли. Она взяла меня за руки и трясла ими, такъ близко наклонилась ко мнѣ, что я чувствовалъ ея дыханіе на своемъ лицѣ.

— Не сказала я вамъ этого слова, потому что вы меня заинтересовали и я хотѣла дать вамъ урокъ изъ парижской жизни. Вы еще не понимаете всего хорошо, но, подумавъ немного, поймете хотя ту парижанку, которую я дала вамъ узнать въ это короткое время. Насъ оговариваютъ. Можетъ быть, мы сами въ этомъ виноваты, но какъ видите и между нами могутъ быть порядочныя женщины, хотя издали онѣ кажутся легкомысленными и пользуются дурной славой. Все это кажется удивительнымъ, но если вы постараетесь выискнуть въ сущности вещей, то понять будетъ не трудно...

— Пустите меня—началъ я сконфуженный.

— Нѣтъ, не пущу, просите у меня прощенія...

Въ шутливомъ тонѣ, съ которымъ она произнесла эти слова, слышался гнѣвъ и подступающія слезы, которыя должны были омытъ причиненное мною оскорбленіе. Во мнѣ проснулось чувство глубокаго уваженія къ этой прекрасной энергичной женщинѣ, безъ высокихъ словъ оставшейся вѣрной своему глупому мужу, которымъ, очевидно, не смотря на внѣшній легкомысліе и вѣтренность, она руководила въ интересахъ семьи. Та смѣсь кокетства и презрительнаго отношенія къ людскимъ толгамъ и наговорамъ, которую я нашелъ въ Луизѣ, имѣла въ моихъ глазахъ очень занимательный, необыкновенный характеръ.

— Простите—сказалъ я покорно.

Она оставила мои руки и отодвинулась. Я тотчасъ же поднялся, а она продолжала сидѣть спокойно, не опасаясь ни темноты, ни одуряющаго запаха цвѣтовъ.

— Вернемся теперь къ нашему договору—продолжала она прежнимъ шутливымъ тономъ—какъ порядочный человѣкъ, я плачу всегда свои долги. Вотъ ваше назначеніе на должность секретаря при посольствѣ. Я его получила вчера вечеромъ. А видя, что я не беру пакета, который

она мнѣ подавала, Луиза замѣтила не безъ легкаго отгѣика прони.

— Кажется, теперь ничто не помѣшаетъ вамъ принять услугу отъ моего мужа.

Такова была развязка...

Когда мы вышли изъ бесѣдки, на террасѣ уже прогуливались Феликсъ и Шантро съ женой. Мой пріятель, увидѣвъ меня съ пакетомъ въ рукахъ, насмѣшливо сжалъ губы. Несомнѣнно, онъ зналъ обо всемъ и въ душѣ издѣвался надъ моей глупостью. Когда мы остались одни, я упрекалъ его, зачѣмъ онъ позволилъ мнѣ впасть въ такую грубую ошибку. Онъ отвѣчалъ, что только жизненный опытъ учитъ молодыхъ людей и что теперь я буду лучше распознавать женщинъ. Берта шла впереди. Я взглядомъ спрашивалъ пріятеля, что она такое. Онъ двусмысленно пожалъ плечами.

Признаюсь, я до сихъ поръ не могу дать себѣ яснаго отчета обо всемъ, что произошло. Свѣтъ вовсе не такъ прекрасенъ, а порядочнѣйшія женщины слишкомъ мало суровы. Въ ихъ порядочности есть что-то загадочное. Утѣшительно по крайней мѣрѣ хоть то, что въ Парижѣ больше почтенныхъ женщинъ, чѣмъ дурныхъ и молва о повальной распущенности слишкомъ преувеличена. Въ испорченномъ Парижѣ здоровые плоды перемѣшаны съ гнилыми въ одной кучѣ. Тамъ говорятъ и оговариваютъ, но не бросаютъ камней, не подвергаютъ остракизму, а уживаются вмѣстѣ—и дурныя и хорошія.

Не менѣе удивилъ меня и Шантро, который сообщилъ мнѣ, что мой отецъ пригласилъ его въ Бокэ на три дня. Онъ считаетъ себя мнѣ обязаннымъ и разсыпается въ любезностяхъ. Берта какъ-то холодна съ Луизой и очень привѣтлива со мной. Феликсъ не переставалъ улыбаться. Сказалъ, что ѣдетъ завтра въ Парижъ и шепнулъ мнѣ на ухо.

— Теперь примирились съ блондинками...

Я протестовалъ, а какъ только Луиза занялась приведенными дѣтьми, раскланяясь, извиняясь тѣмъ, что отецъ ждетъ меня съ завтракомъ. Я былъ уже на концѣ аллеи, когда увидѣлъ какого-то господина въ кабріолетѣ. Это, вѣроятно, былъ m—er Демаре. Я оглянулся. Луиза махнула мнѣ рукой въ знакъ прощанія и улыбнулась. Въ этой улыбкѣ была и прони и материнская заботливость.

Завтра Шантро съ женой пріѣзжаютъ въ Бокэ. Какая скука!...

